

IX Международный симпозиум

**РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ
В МИРОВОМ
КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ**

14-18 декабря 2012 г. Москва

ОРГКОМИТЕТ

ПРОФ. И.Л. ВОЛГИН (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ), АКАД. РАН А.Б. КУДЕЛИН,
АКАД. РАН А.М. МОЛДОВАН, ЧЛ.-КОРР. РАН В.Е. БАГНО, ПРОФ. Б.Н. ТАРАСОВ,
А.Г. БИТОВ, ЧЛ.-КОРР. РАН Н.В. КОРНИЕНКО, ПРОФ. Е.Л. ВАРТАНОВА

ПРИ УЧАСТИИ

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО РАН
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В.В. ВИНОГРАДОВА РАН
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ ИМ. А.М. ГОРЬКОГО
МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М.В. ЛОМОНОСОВА
РУССКИЙ ПЕН-ЦЕНТР

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ

ФОНД «РУССКИЙ МИР»
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ПЕЧАТИ И МАССОВЫМ КОММУНИКАЦИЯМ
ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

IV Международный симпозиум

«Русская словесность в мировом культурном контексте»

**ИЗБРАННЫЕ ДОКЛАДЫ
И ТЕЗИСЫ**

Москва, 2014

УДК 821.161.1
ББК 81.2Р
Р89

Редколлегия: С.Н. Быков, В.Е. Пустовая

IV Международный симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте» Избранные доклады и тезисы. / Под общ. ред. И.Л. Волгина. – М.: Фонд Достоевского, Все статьи, тезисы и художественные тексты печатаются в авторской редакции. 2012-2014. – 816 с.
ISBN 978-5-9903897-2-4

УДК 821.161.1
ББК 81.2Р

ISBN 978-5-9903897-2-4

© Авторы, 2012-2014
© Фонд Достоевского, 2014

КТО ТАКИЕ БЕСЫ? О ГЕНЕЗИСЕ «БЕСОВЩИНЫ» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

Роман «Бесы» Ф.М. Достоевского представляет собой одно из важнейших произведений нашего «жесточкого таланта», но спор вокруг этого произведения никогда не прекращался со дня его издания. Хотя в наше время роман уже не подвергается несправедливым идеологическим упрекам, но разногласия продолжают, иногда даже по очень фундаментальным вопросам, например, как мы дали в заглавии: кто такие «Бесы» в заголовке романа?

Ответ сам по себе выглядит ясным: бесы – это, конечно, персонажи романа. Однако, в английском переводе романа существует по крайней мере три варианта заголовки: *The Possessed* («Бесноватые»), *The Devils* («Дьяволы») и *Demons* («Демоны»)¹. Нюансы между ними подсказывают совсем разные подходы к пониманию замысла писателя, а если мы рассматриваем их на фоне этимологии или истории их сложения в литературе, то нюансы могут стать разрывами.

В славянской Библии греческое слово «*daimon*» было переведено на славянское «бес». Хотя слово «демон» является транскрипцией греческого «*daimon*», но оно ни разу не встречается в Книгах Священного Писания. Несмотря на это, в русской религиозной и фольклорной традициях «термины «бес» и «демон» часто употребляются взаимозаменяемо»². В то же время, «разнообразность православной демонологии является более заметной чем единичность Дьявола», а «великолепный образ Сатаны-искусителя не был значителен ни в Византии ни на Руси»³.

Но в западноевропейской литературе «единичность Дьявола», образ Сатаны-искусителя составлял один из доминирующих мотивов. Особенно после Дж. Мильтона, образ Дьявола олицетворил дух бунта, таким образом, в европейской литературе злой, лукавый враг Сатана постепенно становился символом противодействующего героя. Такая идея нашла свое полное воплощение в движении романтизма, и в частности, у лорда Байрона – не только в его творчестве, но и в его личности. Творческую идею «демоническое» развивает и Гете. Романтизм вместе с поклонением Байрону и Гете широко распространился по всей Европе, и безусловно оказал большое влияние на русскую литературу, например, А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов неоднократно воспевали своего Демона. Бесспорно, воспевали не канонического злого Сатану, а олицетворенные в его образе романтический дух бунта, «дух отрицанья, дух сомненья»⁴ и соответствующее демоническое начало творчества.

Отсюда можно возвратиться к прежнему этимологическому подходу: ведь в Библии слово «бес» (гр. *daimon*) имеет эквивалентный синоним «дух» (гр. *pnema*), который первоначально означал «дуновение», «ветер», «испарение»⁵ и намекает на изначальное нематериальное свойство бесов. При этом подходе наш ясный в начале статьи ответ будет опровергнут, и даже наш вопрос в заглавии нужно поправить: теперь бесы уже не кто, а что, ведь в данном контексте бесы не являются персонажами романа,

а воплощенным в них духом, или по дискурсу Достоевского: персонажи же были охвачены бесами. Недаром в первоначальном английском переводе роман называется *The Possessed*.

Такой вывод мы сделали не без текстовых доказательств. Первым и самым явным из них является евангельский эпиграф в начале произведения, в котором описывается, как Иисус в Гадаринской стране встретил «человека <...>, одержимого бесами с давнего времени», затем «повелел нечистому духу выйти из сего человека». «Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал: легион, – потому что много бесов вошло в него». Потом «бесы, вышедши из человека, вошли в свиней; и бросилось стадо с крутизны в озеро и потонуло», «...нашли человека, из которого вышли бесы, сидящего у ног Иисусовых, одетого и в здравом уме, и ужаснулись»⁶.

В одном из своих писем к А.Н. Майкову от 9 (21) октября 1870 г. Достоевский подробно объяснил идеологическую линию цитаты: «Бесы вышли из русского человека и вошли в стадо свиней, то есть в Нечаевых, в Серно-Соловьевичей и проч. Те потонули или потонут наверно, а исцелившийся человек, из которого вышли бесы, сидит у ног Иисусовых. <...> Россия выблевала вон эту пакость, которою ее окормили <...>. Кто теряет свой народ и народность, тот теряет и веру отеческую и Бога. <...> Вот эта-то и есть тема моего романа. Он называется «Бесы», и это описание того, как эти бесы вошли в стадо свиней»⁷.

Такую идею повторил Степан Верховенский в конце романа: «Это точь-в-точь как наша Россия. Эти бесы, выходящие из больного и входящие в свиней, <...> накопившиеся в великом и милом нашем больном, в нашей России, за века <...>. Но великая мысль и великая воля осенят ее свыше, как и того безумного бесноватого, и выйдут все эти бесы, вся нечистота, вся эта мерзость, загноившаяся на поверхности. <...> И сами будут проситься войти в свиней. Да и вошли уже, может быть! Это мы, мы и те, и Петруша et les autres avec lui, и я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, безумные и взбесившиеся, со скалы в море и все потонем, и туда нам дорога, потому что нас только на это ведь и хватит. Но больной исцелится и «сядет у ног Иисусовых» <...>»⁸.

Таким образом, мы можем схематично обобщить мысль писателя: Россия или русский человек (бесноватый) раньше были одержимы бесами, которые их окормили за века (намек на реформу Петра Великого?), но благодаря великой мысли и великой воле («Иисусовой»), которая их осеняет свыше, они выблевали бесов, а бесы вошли в Нечаевых, Верховенских et les autres avec lui (стадо свиней). Последние же бросятся со скалы в море и все потонут, а бесноватый человек исцелится и сядет у ног Иисусовых.

Теперь мы имеем основание подтвердить свой ответ: персонажи романа являются бесноватыми (хотя бы и свиньями), а не самими бесами. Их судьбы будут сокрушительны – потонут они в озере. Действительно, почти все главные действующие лица в романе подвергнутся уничтожению – Шатов убит, Ставрогин и Кириллов покончили с собой. Что касается Степана Верховенского, то с ним оказывается сложнее: драматичный переворот его судьбы в конце романа не заставил наш жестокий талант его полностью простить, приговор Достоевского скрывается в тексте романа и ждет расшифровки.

В своих странствованиях Степан Верховенский направлялся в Спасов, что находился на противоположном берегу озера, куда надо было плыть на пароходе, но

Верховенскому не удалось туда попасть, и он умирает почти у причала в Устье. А до цитаты из «Луки» Софья Матвеевна еще читала ему отрывок из Откровения: « <...> поелику ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст моих»⁹. Получается, что Верховенский собирался дойти до того берега у Спасителя (в Спасове), но ему не удалось. Умер он на полупути, в Устье, то есть он был «извергнут» из «уст» Божьих. Он уже сам предчувствовал свою судьбу («я, может быть, первый, во главе, и мы бросимся, <...> со скалы в море и все потонем»), вот почему писатель подчеркнул, что «в десяти саженьях от избы», где он скончался, лежит «огромное озеро», хотя сначала Верховенский не «поглядел в окошко» на него, но потом, после прочтения Евангелия, он внезапно его заметил, и многозначительно высказал: «Tiens, un lac <...> ах, боже мой, я еще и не видал его!»¹⁰.

Теперь возвращаемся к нашему изначальный вопросу: Кто такие бесы? Можно ответить, что бесы – это идея, которой овладели персонажами романа, а если брать термин Достоевского, то грубо говоря, это идея нигилизма. Такой процесс бесноватости (одержимости) подробно объяснил Н.А. Бердяев: «человек делается одержимым какой-нибудь «идеей» и в этой одержимости уже начинает угасать его свобода, он становится рабом какой-то посторонней силы. <...> Тот, кто в своеволии своем не знает границ своей свободы, теряет свободу, тот становится одержимым «идеей», которая его порабощает»¹¹.

Видимо, задача уже была решена: бесы – это есть идея нигилизма. Окольниковато, но все-таки не намного сложнее нашего ответа в начале статьи. Неужели так просто? На самом деле не так, потому что это только ответ с одной стороны. Мы уже процитировали мнение С. Франклина, что в византийской и древнерусской демонологиях доминируют не великолепный образ Дьявола, а многочисленные бесы. В древнерусских литературных памятниках, бесы – «черного цвета, мохнат, крылат, хвостат, на руках и ногах когти, распространяет вокруг себя дым и смрад»¹², такой образ может быть не каноническим, но достаточно «материальный» и живой. Они обладают кровью и плотью, а не просто олицетворение абстрактных идей. Если мы рассматриваем древнерусскую агиографическую литературу (например, одно из самых первых и ярчайших житийных произведений – «Житие Феодосия Печерского»), то мы заметим, что бесы, которые часто являются во множестве, в большинстве случаев занимаются лишь тем, что мы сегодня называем «хулиганством». Их лучше назвать мелкими, мерзкими, глупыми и смешными. Их образ не такой грандиозный или злой, как у их западноевропейских коллег.

В этом смысле, пушкинский и лермонтовский великолепный, «психологизированный» демон оказывается потомком своих европейских соседей, а не наследником соотечественников. Но традиционная демонология уже запечатлена в народной памяти и отобрала свои позиции у «западнического» демона в произведениях с фольклорным и «народным» характером, например в ранний период творчества Н.В. Гоголя. Итак, неоспоримо развернулась «борьба за дискурс» между двумя демонологиями, которая протянулась даже на словоупотребление: хотя раньше слова «демон» и «бес» употреблялись взаимозаменяемо¹³, но теперь различие появилось, ведь Демон в одноименной поэме Лермонтова и бесы в одноименном стихотворении Пушкина – это совсем разные существа, а за ними еще и два древних слова, одно исконное, а другое заимствованное. Семантические нюансы Достоевский безусловно

мог ощутить, и если бы он только хотел создать абстрактный демонический образ как воплощенную идею нигилизма, то есть более менее продолжить «европейскую демонологическую линию», он бы не выбрал для своего романа такой «отечественный» заголовок. С другой стороны, раз он назвал свой роман именно «Бесы», то в нем несомненно есть намек на его «народную», «русскую» демонологию, и теперь нам стало ясно, почему Достоевский выбрал именно отрывок из «Бесов» Пушкина как второй эпиграф романа:

Хоть убей, следа не видно,
Сбились мы, что делать нам?
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.
.....
Сколько их, куда их гонят,
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?¹⁴

Вот точь-в-точь общая атмосфера романа – в смутном своем пути Россия сбилась, бесчисленные бесы кружатся вокруг нее, водят ее и гонят. Только на этот раз речь уже не идет о бесноватости или одержимости, эти бесы не символы абстрактных идей, а действительно существуют. Они представляют собой не других, а именно наших Верховенских, Ставрогина, Шигалева, Кириллова и так далее.

Не как евангельский эпиграф романа, который подчеркивает идеологический слой бесовщины и соответственно получил свою программную переключку только в конце романа, пушкинский эпиграф в большей степени объявляется в творческом методе романа, поэтому вызывает больше резонансов в конкретном тексте, хотя эти ключи часто скрываются глубоко. К счастью, в статье «Водевиль бесов: «декодирование» демонического в романе «Бесы» Достоевского» британской славистке У. Дж. Лезербеэрроу удалось найти достаточно много следов бесовщины, скрываемых в романе за фольклорными суеверием, карнавальным мироощущением, антропонимами, внешними обликами персонажей, самозванством, апокалипсическими намеками и прочими¹⁵, и все эти явления доказывают принадлежность персонажей романа к самим бесам.

Итак, мы в конце концов получили два ответа на свой вопрос: с одной стороны, бесы символизируют дух нигилизма, а персонажи романа есть лишь одержаемые ими свиньи; но с другой стороны, бесы есть именно они сами. Нельзя считать, что поверхностное противоречие между двумя ответами является упущением писателя, ведь именно он выбрал этих два эпиграфа, поставив их в самом начале романа, которые указывают нам два подхода к пониманию бесовщины. К тому же Достоевский – писатель, который сочинял художественное произведение, а не богослов или «бесослов», работающий над всесторонней, тщательно выстроенной демонологической системой. Как мы уже упомянули, может быть, один подход он употреблял главным образом как идеологическую программу, а другой – для самого процесса творчества. Такая творческая ловкость напоминает нам речь старца Тихона в вычеркнутой главе романа: «Беси существуют несомненно, но понимание о них может быть весьма различное»¹⁶.

¹ Zhu Jiangang. Puluomixiusi de duoluo. Eguo wenxue zhishifenzi xingxiang yanjiu (Падение Прометея. Образ российских литературных интеллигентов на рубеже XIX – XX вв.). Beijing, 2006. P79.

² Leatherbarrow W.J. The Devil's Vaudeville: "Decoding" the Demonic in Dostoevsky's The Devils // Davidson P. ed. Russian Literature and Its Demons. New York; Oxford: 2000. P300.

³ Franklin S. Nostalgia from Hell: Russian Literature Demonism and Orthodox Tradition // Davidson P. ed. Op. cit. P35.

⁴ Строка из стихотворения «Демон» Пушкина, см. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л., 1937 – 1959. Т. 3. Кн. 1. С. 59.

⁵ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1999. Том 1. С. 275 – 76.

⁶ Лук. 8: 32 – 36.

⁷ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинения: В 30 т. Л., 1972 – 1990. Т. 29. Кн. 1. С. 145.

⁸ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 10. С. 499.

⁹ Откр. 3:15 – 17. Цит. по Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 10. С. 497.

¹⁰ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 10. С. 492, 499.

¹¹ Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. Прага, 1923. С. 95.

¹² Белова О.В. Бес. // Толстой Н.И., Славянские древности: этнолингвистический словарь: В 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 164.

¹³ См. сноску 2.

¹⁴ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 10. С. 5. Пунктуация по варианту Достоевского.

¹⁵ О подробностях см. указанную статью У. Дж. Лезербэрроу в сноске 2.

¹⁶ Достоевский Ф.М. Указ. соч. Т. 11. С. 9.

Е. Осокина (Москва)

УНИКАЛЬНЫЕ СЛОВА У ДОСТОЕВСКОГО

Слова, составляющие язык Достоевского, все значимы, многие ушли из нашего языка и сознания, поэтому нам трудно читать.

Что такое уникальное слово? В чем его значимость? Как обратить на него внимание? В повествовании оно может не привлечь внимания без предварительной осведомленности. Подборка уникальных слов приводится из частотного словаря. [Шайкевич, 2003]

Абжур	Голгофа	Наафонить	Полулюбовь
Аблакат(-ишки)	Гусли	Надодумываться	Предвечный
Абрикос		Некатолик	Преднаменование
Авторишко	Дама-конфетка	Неколебимо	Предтеча
Аквариум	Дерюга	Некорыстолюбивый	Привзвизгнуть
Алюминий	Дегорождение	Нелитературность	Прививать
Анамьясь	Докультурить(-ся)	Неминучий	
Антидорец	Домоводка	Непроплеванный	Ритурнель
Апокрифический	Древнегреческий	Несамодвижность	Рогоносец
Асмодей	Древнеиудейский	Нил Столбенский	Своеручный
Аудиторша	Древнекатолический	Нувеллист	Селезень
Аффилиация	Дрожжи		Скучливый
Аффильровать	Дурнушка	Обидливый (оказ)	Слакейничать
	Дышло	Общеколейный	Стибрить